

К ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ХОЗЯЙСТВА НА ОКЕ И В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ МЕТАЛЛА

О. Н. Бадер

Мы имеем сейчас довольно определенное представление об эпохе неолитических рыболовно-охотничьих стоянок и о времени древних городищ в северной половине европейской части СССР. Но солидный промежуток, их разделяющий, освещен в нашей специальной литературе крайне недостаточно. Между тем, именно на верхней грани нашего неолита в жизни первобытного общества произошли весьма существенные сдвиги, которые в значительной мере обусловили дальнейший ход исторического процесса, приведший первобытное общество на следующий крупный этап его истории, известный нам по имени городищ дьяковского типа, предшествовавших финским и русским поселениям. Для понимания этого переходного периода нам необходимо, прежде всего, обратить внимание на изучение хозяйства первобытного общества в указанную эпоху, поскольку это возможно по данным археологии.

Вопросом кардинальной важности является здесь появление скотоводства.

До последнего времени в специальной литературе держалось положение о том, что древнейшие следы скотоводства в лесной зоне северо-востока Европы дают нам культуры не ранее, чем последнего тысячелетия до н. э. В частичной сводке данных по этой территории, сделанной В. И. Громовой в 1930 г. на основании учета результатов археологических исследований¹, говорится: «Домашние животные появляются здесь, по-видимому, позже (не в неолите.—О. Б.); так, мы находим их сразу в большом (преобладающем над дикими) количестве в культурах раннего железа, 700—200 гг. до н. э. (так называемая ананьинская культура Волжско-Камского района), то же самое мне пришлось установить и для городищ так называемой культуры сетчатой керамики из Костромской губ.². Здесь мы встречаем уже всех представителей домашних животных: лошаадь, быка, свинью, козла и барана».

Уже то обстоятельство, что в названных В. И. Громовой ископаемых культурах кости домашних животных имеются «в преобладающем над дикими количестве», так же как и вся сумма археологических данных об этих культурах—говорят за то, что здесь перед нами остатки уже развитого скотоводства и что первые следы его лежат глубже. Действительно, эти следы—и весьма определенные—нам удалось обнаружить в памят-

¹ В. И. Г р о м о в а, Тур и древнейшая история домашнего быка в СССР («Природа», 1930 г., № 7—8, стр. 755—770).

² В этой культуре домашние животные известны уже давно.

никах эпохи бронзы. Эти новые данные позволяют отодвинуть время возникновения здесь скотоводства более чем на тысячу лет глубже и пролить на проблему его возникновения в наших областях совершенно иной свет.

Остановимся коротко на основных моментах смены археологических культур эпохи металла на интересующей нас территории.

От неолитических стоянок и до городищ включительно, т. е. на протяжении по крайней мере пяти тысяч лет, на интересующей нас территории может быть прослежено, по данным археологии, последовательное и преемственное развитие материальной культуры, в процессе которого лишь в незначительной мере имели место явления миграционного порядка.

Неолитические стоянки представляют собой в основном оседлые поселения родовых групп рыболовов и охотников. Не исключена возможность, что поздненеолитическому населению было уже известно земледелие¹, но оно могло находиться в то время лишь в зачаточном состоянии, не играя существенной роли в хозяйстве.

В настоящее время нет никаких данных, которые бы указывали на присутствие домашних животных в поселениях неолита. Исключение представляет лишь собака, которая была приручена значительно раньше.

В конце неолита, повидимому, во II тысячелетии до н. э., параллельно с некоторым незначительным изменением производственного инвентаря кремневых орудий, среди характерной ямочно-гребенчатой керамики неолитических поселений начинают появляться сначала круглодонные же сосуды с отпечатками плетенки или грубой ткани на поверхности. Во многих позднейших стоянках эта керамика получает решительное преобладание, значительно меняется по форме и приобретает плоские днища.

Стоянки с так называемой «текстильной» керамикой и кремневым инвентарем орудий, несмотря на значительные отличия от предыдущих и своеобразие материальной культуры, характеризуют собой позднейшую стадию истории охотничье-рыболовческих поселений неолитического типа в Волго-Окском крае. Они относятся в основной своей части к эпохе бронзы и, в различных фациях, доживают до начала железной. Эти стоянки в нашей специальной литературе до сего времени выявлены совершенно недостаточно. Большая часть их обнаружена за последние годы нашими исследованиями на нижней и средней Оке и усилиями костромских краеведов—в верхнем плёсе Волги. В настоящее время нами учтено свыше 60 таких стоянок.

В период бытования древнейших поселений с текстильной керамикой и кремневым инвентарем орудий, приблизительно в половине II тысячелетия, в бассейне Оки появляются чрезвычайно своеобразные по материальной культуре, аналогичные по характеру расположения, поселения—так называемые стоянки поздняяковского типа. Эта группа памятников до настоящего времени почти вовсе не представлена в научной литературе. Впервые подобные стоянки были открыты нами в Муромском районе в 1924 г. В настоящее время нами учтено свыше 20 подобных поселений на нижней и средней Оке.

Стоянки поздняяковского типа в состав связанного с ними комплекса материальной культуры включают поделки из бронзы, но изготовление производственного инвентаря из камня, инвентаря весьма своеобразного, имеет еще широкое распространение и отнюдь не потеряло высокой техники. Керамика этих стоянок совершенно иная, чем керамика непосредственно предшествующих и одновременных местных поселений. Не имея аналогий на Оке и к северу от нее, поздняяковские стоянки имеют их на

¹ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, Стоянки Балахнинской низины («Известия» ГАИМК, 1934 г., № 103).

юге, в смежной лесостепной и степной полосе, в виде поселений так называемой «срубной культуры».

Древнейшие следы скотоводства в наших центральных областях мы имеем в другой археологической культуре, в так называемых могильниках фатьяновского типа, представляющих собою древние кладбища со скорченными скелетами на дне могильных ям, в сопровождении глиняных сосудов бомбовидной и близкой к ней формы, каменных орудий труда, каменных сверленных боевых топоров-молотов и весьма редких бронзовых украшений и оружия.

Будучи распространены преимущественно в бассейне верхней Волги, могильники фатьяновского типа до сего времени стоят особняком от связанных с ними поселений. Древних поселений, которые характеризовались бы материальной культурой, аналогичной находимой в могильниках, до сего времени в распоряжении археологии нет. Материальная культура могильников фатьяновского типа, относящихся ко II тысячелетию до н. э., отличается большим своеобразием и имеет мало общего с более древними и одновременными им стоянками неолитического типа и с позднейшими памятниками тех же областей.

Подчеркиваем, что смена археологических культур в эпоху позднего неолита и раннего металла отличается преемственностью, как бы не оставляет места для фатьяновской и позднязковской культур в схеме последовательного развития культуры и создает впечатление их чужеродности в этом крае. На этой сложной и еще далеко не разрешенной проблеме мы остановимся ниже.

Население, связанное с могильниками фатьяновского типа, всегда считалось охотничьим. Отдельные находки костей домашних животных были сделаны здесь и раньше, но, по своей незначительности, не привлекли к себе серьезного внимания исследователей. Во всяком случае, в своем последнем кратком обзоре памятников бронзовой эпохи В. А. Городцов в отношении могильников фатьяновского типа отмечает, что оставившее их «население занималось преимущественно охотничьим промыслом»¹. Значительной роли охоты в хозяйстве «фатьяновцев» нельзя отрицать и сейчас. Об этом говорят ассортимент находимых в могилах орудий и кости диких животных, являвшихся объектами охоты. Однако ни охота, ни рыболовство, ни собирательство не являлись ведущими: эта роль принадлежала скотоводству и земледелию.

Первые находки остатков домашних животных были сделаны, собственно, при первых же исследованиях могильников фатьяновского типа И. С. Поляковым в 1878 г. При раскопках могильников у дер. Фатьянова² в бывш. Ярославской губ. был обнаружен скелет молодого козленка. В 1895 г. А. А. Спицыным на Великосельском могильнике найдены «кости коровы» (бабки от трех коровьих и пары телячьих ног в погребении). ...³. В 1903 г. раскопки Н. Е. Макаренко на Лихачевском могильнике близ гор. Зубцова бывш. Тверской губ. дали кости свиньи⁴. В 1925 г. В. И. Смирновым в Говядиновском могильнике под Костромой найдено второе погребение козленка. Начиная с 1928 г. находки погребений свиньи не раз повторялись в раскопках Д. А. Крайнова, К. Я. Виноградова и О. Н. Бадера на вновь открытых могильниках в бывш. Московской губ. (Ивановогорский, Була-

¹ В. А. Городцов, Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, 1927.

² А. А. Спицын, Медный век в верхнем Поволжье («Зап. отд. русск. и слав. археологии ИРАО», т. V, в. I, СПб, 1903).

³ Архив ГАИМК, дело № 79, 1895 г. (цитируем по П. Н. Третьякову, «К истории доклассового общества Верхнего Поволжья»).

⁴ Н. Е. Макаренко, Поездка 1903 г. по верхнему течению р. Волги («Изв. арх. ком.», вып. 6, СПб, 1904).

нинский, Кузьминский, Сушевский могильники) и на верхней Волге (Вауловский могильник в районе Тутаева). Для Буланинского могильника отмечена также кость овцы¹.

В Чувашии, при раскопках аналогичного могильника в урочище «Карабай» у дер. Баланово, в 1933 г. найдены «амулеты» из «зубов, пови-димому, лошади»².

Наиболее полный материал в отношении скотоводства добыт нашими раскопками на Кузьминском могильнике Московской области (река Дубна) в 1930 г.

Остатки фауны из этих раскопок, изучавшиеся В. С. Слодкевичем (Палеозоологический институт Академии наук), дают следующую картину:

Название животных	Колич. отд. костей	Колич. костей в %	Число особей не менее	Число особей в %
1	2	3	4	5
<i>Ursus arctos</i> (медведь)	24	21,5	3	13,1
<i>Canis lupus</i> (волк)	1	0,9	1	4,3
<i>Vulpes vulpes</i> (лиса)	3	2,8	2	8,7
<i>Cricetus cricetus</i> (хомяк)	16	14,9	2	8,7
<i>Canis familiaris</i> (дом. собака)	28	26,2	7	30,5
<i>Sus scrofa domest.</i> (дом. свинья)	25	23,4	4	17,4
<i>Capra ovis</i> (коза дом. или овца)	5	4,6	2	8,7
<i>Equus caballus</i> (дом. лошадь)	3	2,8	1	4,3
<i>Bos taurus</i> (дом. бык).	2	1,8	1	4,3
Всего	107	100	23	100

Для могильников этого типа столь обширный список фауны мы получаем впервые. Но в абсолютных цифрах число остатков все же невелико. На присутствие костей животных в ритуальных памятниках и их количественное соотношение могли влиять факторы идеологического порядка. Вследствие этого процентное соотношение диких и домашних животных, так же как и соотношение между отдельными видами, может не отражать действительного их соотношения на соответствующем могильнику поселении. Все же укажем, что к общему количеству особей число диких (исключив хомяка, который, весьма вероятно, попал в могилы позднее) составляет 28,5, домашних же 71,5%. С хомяком соотношение несколько иное: 34,8 и 65,2%. Среди диких животных преобладают остатки медведя³,

¹ К. Я. Виноградов, Новые данные о памятниках фатьяновского типа («Проблемы ист. докапит. общ.», ГАИМК, № 11—12, 1934).

² И. Тихонов, Археологические раскопки в Чувашии в 1933 г. («Проблемы...», ГАИМК, № 2, 1934).

³ Обращает на себя внимание полное отсутствие костей лося.

среди домашних—собаки (46,6% общего числа домашних особей) и свиньи (26,6%).

Большинство животных (медведь, собака, свинья, лисица) представлено в коллекции просверленными у корня зубами, составлявшими, повидимому, дополнение к костюму. Имеются также в виде изделий несколько не определенных ближе костей, принадлежащих барану или овце. Остатки свиньи встречены как в изделиях (зубы), так и в необработанном виде, например, в стоявшем при погребении глиняном сосуде. В одной могиле найдено погребение свиньи, без копыт и головы. Наконец, остатки лошади и коровы представлены только зубами, без следов обработки или употребления их человеком.

Не подлежит сомнению, что, если только пять раскопанных в Кузьмине могил дали нам остатки минимум 15 отдельных особей, принадлежащих пяти или шести видам домашних животных, то на поселении мы вправе ждать значительного количества остатков домашних животных.

Таким образом, для могильников фатьяновского типа мы со всей определенностью констатируем следы развитого скотоводства, объектами которого являлись, помимо собаки, свинья, коза, повидимому, овца, корова и лошадь¹. Северного оленя мы поместили в списке представителей дикой фауны, так как ни со стороны зоологов, ни по археологическим данным мы пока не имеем конкретных указаний на его одомашнение.

Ряд находок и соображений, на которых мы уже имели случай остановиться², позволяет предполагать для рассматриваемой группы памятников наличие, помимо скотоводства, также мотыжного земледелия.

Мы не можем не затронуть здесь животрепещущей проблемы о самом возникновении фатьяновской культуры и об отношении ее к другим хронологически близким ей археологическим культурам тех же областей.

Не имея возможности останавливаться на всех концепциях, связанных с интересующим нас вопросом, укажем на основную, которой придерживается до сего времени большинство работающих в этой области археологов³. Она сводится к тому, что появление фатьяновской культуры в верхнем Поволжье является результатом миграции населения из достаточно отдаленных районов (Сев. Кавказ). Вовсе не отрицая самой возможности миграций в эпоху первобытной общины, мы считаем, однако, что миграция «фатьяновских» племен является чисто априорным заключением и совершенно не подтверждается фактическими данными. Фатьяновская культура не известна нам ни на юго-востоке, ни на западе. Там мы знаем во многих отношениях близкие ей, но все же иные культуры. Между областями распространения этих культур и областью распространения фатьяновской культуры нам не известны памятники, которые указывали бы на сколько-нибудь длительное движение этих культур к северу. Если мы встанем в данном вопросе на миграционную точку зрения, то неизбежно должны будем прийти к совершенно неправдоподобному выводу, что фатьяновская культура во всем ее своеобразии сложилась на пути движения связанных с нею племен из своей «прародины» к северу.

Гораздо более правдоподобной является иная концепция, которую мы здесь предлагаем. Она заключается в следующем. Фатьяновская культура и целый ряд хронологически близких ей культур, частью перечисленных выше, характеризующихся уже присутствием домашних животных, орудий из бронзы и погребениями умерших в скорченном положении,

¹ В присутствии! В фатьяновской культуре домашней лошади у нас нет пока абсолютной уверенности.

² О. Н. Бадер, Лихачевский могильник (К вопросу о хозяйственной основе так наз. фатьяновской культуры), «Советская археология», т. 2, 1937, стр. 19.

³ Например, ряд сотрудников Государственного исторического музея в Москве.

принадлежат в широком смысле к единой стадии истории первобытного общества в средней и степной полосе СССР. Все эти культуры возникают на месте, на позднеолитической основе и являются следствием коренных сдвигов, происшедших в первобытном обществе эпохи позднего неолита.

Перед нами пример одного из тех резких скачков исторического процесса, знаменующих переход от одной стадии к другой, которые мы знаем, например, на грани между поздним палеолитом с его бродячей охотой и рыболовно-охотничьим неолитом, или между культурой городищ дьяковского типа с развитым скотоводством и подсечным земледелием, с одной стороны, и культурой древних славян-пахарей, с другой. Эти относительно очень короткие сдвиги, скачки в истории материальной культуры определяются прежде всего происходившими в первобытном обществе капитальными сдвигами в его хозяйстве. И надо сказать, что эти последние сдвиги с полной определенностью фиксируются археологией.

Мы полагаем, что появление фатьяновской и стадially близких ей археологических культур на огромных пространствах Восточной Европы и Азии обусловлено прочным внедрением и ведущей ролью новой формы хозяйства—скотоводства. Процесс возникновения своеобразных культур этой стадии есть не что иное, как процесс выделения пастушеских племен, ведущего, в свою очередь, к возникновению патриархата.

Самый процесс этого перехода и обусловленных им изменений в материальной культуре, конечно, далеко еще не ясен и в дальнейшем должен послужить предметом тщательного изучения.

Возможно, что дату позднеолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой в верхнем Поволжье следует несколько сдвинуть вглубь. Но как бы то ни было, мы стоим перед признанным фактом синхронности позднейших стоянок этого типа и фатьяновских могильников. Отрицая непосредственную принадлежность тех и других к одному и тому же обществу, мы должны отметить, что, судя по расположению памятников на карте, племена верхнего Поволжья, обитавшие на стоянках позднеолитического типа, занимали озерные и речные низины, тогда как земледельческо-скотоводческие племена «фатьяновцев» населяли преимущественно смежные им районы водоразделов, дотоле свободные, впервые подвергшиеся прочному хозяйственному освоению.

Однако такое сосуществование рыболовно-охотничьих и скотоводческих племен вряд ли продолжалось в верхнем Поволжье особенно долго. Целый ряд имеющихся в нашем распоряжении фактов говорит о том, что фатьяновские могильники, видимо, в преобладающей своей части одновременны более поздним стоянкам с кремневым инвентарем орудий и так называемой «текстильной» керамикой. Из этих фактов укажем на один. В рязанской Мещере, на огромной Владычинской неолитической стоянке, в верхнем ее горизонте, характеризующемся именно «текстильной» керамикой, нами было в 1928 г. обнаружено древнее погребение с многочисленными бронзовыми украшениями, известными в одной из культур Средней Европы, в так называемой унетицкой культуре, датируемой 1700—1200 гг. до н. э. В том же году такой же, как во Владычине, браслет был обнаружен в типично-фатьяновском Мытищенском могильнике в Ивановской промышленной области, исследованном Н. П. Милоновым и нами.

Население стоянок с «текстильной» керамикой было уже знакомо с разведением домашних животных. Об этом говорят остатки последних, обнаруженные на стоянке «Пески» под Костромою¹, и находки на стоянках

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч. («Известия ГАИМК», вып. 106, 1934, стр. 97).

в бассейне Оки. Надо думать, что в это время, а именно во второй половине II тысячелетия до н. э., в Волго-Окском крае происходят известная нивелировка различных в хозяйственном и культурном отношении племен рыболовов-охотников и скотоводов-земледельцев и повсеместный переход к патриархальным отношениям. На юге, в степной зоне, этот переход совершился, видимо, очень быстро, еще в довольно ранний период бронзы.

Наконец, в первой половине I тысячелетия до н. э. мы уже имеем повсеместно более или менее полную нивелировку скотоводческих племен в Волго-Окском крае, вероятно, формирование новых племенных образований и появление первых укрепленных поселений—городищ. При этом,—археологически—той основой, на которой в половине I тысячелетия до н. э. возникает культура городищ в верхнем Поволжье, являются слившиеся позднелеолитическая (с «текстильной» керамикой) и фатьяновская культуры, на Оке—позднелеолитическая и поздняя-ковская.

Как уже указывалось, время существования могильников фатьяновского типа определяется II тысячелетием до н. э., охватывая, по видимому, большую часть этого тысячелетия. Будучи, возможно, частью древнее окских поселений поздняяковского типа, фатьяновские могильники дают нам, следовательно, и несколько более древние следы скотоводства. В то же время, с нашей точки зрения, обе указанные группы памятников частью совпадают во времени. Однако для обществ, связанных с каждой из указанных археологических культур, характеризующихся аналогичными формами хозяйства, предполагать возможность смешанного сосуществования на одной территории нет никаких оснований. Это положение как будто находит подтверждение в фактическом положении вещей. Районом преимущественного распространения могильников фатьяновского типа является верхнее Поволжье, стоянок поздняяковского типа—Ока. Если для грубого сравнения взять количество типичных для фатьяновской культуры каменных сверленных топоров-молотов в двух старых музеях—Тверском (ныне Калининском) и Рязанском,—то мы увидим, что в первом число этих орудий измеряется многими десятками, тогда как во втором их не более 20, да и те, по указанию А. А. Мансурова, происходят, главным образом, из северных и западных уездов бывш. Рязанской губернии. На территории, занятой известными нам поселениями поздняяковского типа, мы знаем лишь единичные находки отдельных каменных сверленных топоров-молотов и не знаем ни одного исследованного, связанного с ними, могильника. Для Волго-Окского края древнейшие следы развитого скотоводства мы имеем в стоянках поздняяковского типа.

К сожалению, все четыре поселения поздняяковского типа, подвергшиеся раскопкам, характеризуются очень плохой сохранностью костного материала—нередко сохраняются лишь одни зубы. Однако для двух из них мы можем все же установить наличие нескольких видов животных.

Для Поздняяковской стоянки, исследованной нами и Б. С. Жуковым, В. С. Слудкевич определил следующих домашних животных: бык (*Bos taurus*), лошадь (*Equus caballus*) и свинья (*Sus scrofa domest.*)¹. Для указания количественного соотношения этих видов приводим нежеледующую таблицу:

¹ Необходимо сделать оговорку, что палеозоологи далеко не всегда могут с полной достоверностью различать дикие и одомашненные разновидности. Так, если, например, домашние корова и свинья могут быть определены более или менее точно, то определение собаки, лошади—бывает часто условно.

Название животного	Колич. отдельн. костей	Колич. костей в %	Число особей не менее
<i>Bos taurus</i>	27	64,1	3
<i>Equus caballus</i>	13	30,8	2
<i>Sus scrofa domest.</i>	2	5,1	1
Всего	42	100	6

При столь незначительном общем количестве костного материала процентные отношения на стоянке различных видов животных имеют, конечно, сугубо предварительное значение. Обращает на себя внимание полное отсутствие диких животных. Это обстоятельство, без сомнения, случайно, но оно все же, повидимому, говорит о преобладании на этом поселении остатков домашних животных над дикими.

В другой стоянке, Подборной (близ Касимова), исследовавшейся Н. И. Лебедевой и Б. А. Куфтиным, остатки фауны «представлены исключительно зубами лошади, коровы, лося и свиньи»¹. Добавим к этому, что на Подборной стоянке найден глиняный сосуд, орнамент которого в виде усложненного меандра дает сильно стилизованные головы лошадей².

Соотношение остатков представителей домашней и дикой фауны, отмеченное для Поздняковской стоянки, находит здесь свое подтверждение.

Стоянки поздняковского типа, чрезвычайно своеобразные по характеру вещевого комплекса, не имеют ничего общего с более древними поселениями того же района, а из одновременных поселений соседних территорий тесная связь обнаруживается с поселениями смежных с юга территорий, принадлежащими к широко распространенной в современной лесостепи и степи, так называемой срубной или, как ее часто именуют в последние годы, — срубно-хвалынской культуре. Время последней — по В. А. Городцову — II тысячелетие до н. э., преимущественно его вторая половина³, что вполне согласуется с нашей датировкой стоянок поздняковского типа.

В. В. Гольмстен, установившая своими рекогносцировками около 300 поселений и курганных могильников срубно-хвалынского типа⁴ в пределах бывш. Самарской губ., указывает: «Изучение содержимого культурных слоев дает представление о культуре довольно развитой, вполне оседлой, земледельческой, с развитым скотоводством. Среди остеологического материала чаще всего встречаются остатки крупного рогатого скота, реже овец и коз и изредка лошади и свиньи. Количество костей диких животных составляет ничтожный процент по отношению к количеству костей домашнего скота»⁵. «Во всех поселениях преобладает крупный рогатый скот, затем в различных сочетаниях идут овца, коза, лошадь и свинья... Преобладание крупного рогатого скота делает вероятным предположение, что

¹ Б. А. Куфтин, Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанск. г. («Материалы к доистории Ц. П. О.», 1927 г.).

² Н. Лебедева, Отчет о летних работах по археологии в окрестностях г. Касимова («Вестник рязанских краеведов», № 1, Рязань, 1925 г.).

³ В. А. Городцов, Бронзовый век на территории СССР, БСЭ, т. 7. 1927).

⁴ Курганный могильник срубного типа, самый северный из известных в настоящее время, был обследован нами в 1926 г. совместно с открывшим его краеведом И. П. Гусевым в нескольких километрах от Поздняковской стоянки и позднее раскопан под руководством Б. С. Жукова.

⁵ В. В. Гольмстен, Археологические памятники Самарской губ., «Труды секции археологии РАНИОН», т. IV (в честь В. А. Городцова), 1928 г.

последний разводился не только для получения мясной пищи, но и молочных продуктов»,—говорят А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий¹. Те же авторы обращают внимание на колебания количественного соотношения различных животных в стаде. Так, на юге, в бывш. Изюмском уезде, раскопанное В. А. Городцовым поселение этого времени у озера Чернецкого и три стоянки в бывш. Пензенской губ., исследованные О. А. Кривцовой-Граковой, дают одинаковую картину значительного преобладания остатков крупного рогатого скота, но отличаются количеством костей лошади: «в то время как для стоянки, раскопанной в Изюмском уезде, мы имеем ничтожный процент костей лошади (3,7%), во всех стоянках Пензенского уезда кости лошади по количеству уступают место лишь костным остаткам коровы»².

Пензенские поселения, близкие нашим окским территориально, в отношении скотоводства дают следующую картину³. На поселении «Зимница» (раск. 1926 г., по определениям С. Н. Боголюбского) кости коровы составляют 57,9%, лошади—33,2, овцы—7,7 и свиньи—1,2%. По материалам вторых раскопок того же памятника (1928 г., таблицы для этих и пр. раскопок О. А. Кривцовой-Граковой в Пенз. у. составлены А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким по приложенным к полемому отчету описям находок): костей коровы—47,6%, лошади—26,7, свиньи—19,4 и овцы—6,3%. На поселении «Зимница II»: корова—54,3%, лошадь—20; свинья—17,1, овца—8,6%. На поселении у Волчьего оврага: корова—43,3%, лошадь—40, свинья—10 и овца—6,7%. Если объединить данные всех трех поселений, то мы можем констатировать, что около половины всех найденных на них костей домашних животных принадлежит корове и значительный процент—лошади; далее, в небольшом количестве представлены свинья и овца.

Характерно, что в поселениях и могильниках рассматриваемого типа находки костей диких животных единичны, что определяет весьма незначительную роль охоты, не имевшей существенного значения в хозяйстве.

Как следует из вышеприведенных данных, количественное соотношение видов домашних животных на Поздняковском поселении вполне соответствует соотношению их на трех пензенских поселениях.

Таким образом, для поселений поздняковского типа, помимо безусловно практиковавшихся рыболовства (условия расположения поселений) и охоты, мы можем установить присутствие развитого скотоводства и, без сомнения, мотыжного земледелия.

Вывод о земледелии может быть сделан по целому ряду соображений, из которых основным является явно земледельческий характер всей так называемой срубной культуры. Неоспоримые следы земледелия дают, в частности, пензенские стоянки О. А. Кривцовой-Граковой. В 1937 г. при раскопках Подборновской стоянки на Оке нам удалось обнаружить часть каменной мотыги, аналогичной мотыге из упомянутых пензенских стоянок.

Как объяснить столь неожиданное появление на Оке, на фоне нашего рыболовческо-охотничьего неолита скотоводческо-земледельческих поселений с совершенно чуждой по облику материальной культурой? Мы полагаем, что разрешение вопроса лежит в смещении к северу ландшафтно-географических зон. Поздняковские поселения на Оке, без сомнения, соответствуют по времени суббореальному периоду, и весьма вероятно,

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы («Изв. ГАИМК», вып. 119, 1935 г.).

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы («Изв. ГАИМК», вып. 119, 1935 г.).

³ О. А. Кривцова-Гракова, Отчеты о раскопках, Архив ГАИМК, 1926 г., дело № 55; 1928 г., дело № 29 (используем по Круглову и Подгаецкому, ук. соч.).

моменту максимального развития связанных с ним явлений¹. В это время долина Оки находилась, по всей вероятности, в пределах степной зоны (вспомним реликты типчаковой степи под Серпуховом, древнюю лесостепь в более северном владимирском Ополье, элементы степной флоры на верхней Волге и т. п.). В процессе смещения географических зон менялись природные условия окских районов, лес отступал к северу, наступали лесостепь и степь. Исконное рыболовно-охотничье население вынуждалось или несколько переместиться вместе с лесом на север, или перейти к новым формам хозяйства. С другой стороны, скотоводы и земледельцы смежных южных областей, не располагавшие своих поселений севернее древних границ леса или лесостепи, постепенно получили естественную возможность применения форм своего хозяйства и в более северных районах. Надо думать, что в данном случае происходило не только вполне закономерное перенесение определенных хозяйственных форм в смежные районы, но что здесь вместе с этими хозяйственными формами произошло частичное смещение к северу и их конкретных носителей. Иначе нельзя без натяжек объяснить срубно-хвалынский характер вещевых комплексов окских поселений этого времени, в особенности весьма характерную керамику.

Расширение к северу территории поселений «срубного» облика в ксеро-термическое время нет никаких оснований рассматривать как какую-то одновременную миграцию. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с постепенным, медленным освоением родовыми группами новых территорий, превращавшихся в удобный плацдарм для свойственных этому обществу форм эксплуатации природных ресурсов.

В связи с этим отметим, что были неправы те, кто видел в поздняяковских поселениях «лесную фацию» срубно-хвалынской культуры. Определение «лесной» им совершенно не соответствует, так как они были всегда степными или лесостепными.

Если теперь обратиться к стоянкам времени первого появления металла, то, не говоря о собаке, можно указать только остатки свиньи молодого возраста в раскопках В. А. Городцова на Панфиловской стоянке под Муромом, о которых В. А. Городцов² не высказывается как о домашних. Необходимо отметить, что, наряду с этим, в Панфиловской стоянке имеются фрагменты как фатьяновской, так, возможно, и более поздней керамики.

Поздненеолитические стоянки у нас приобретают так называемую текстильную керамику, количество которой с течением времени всё увеличивается. Нам известны на Оке стоянки, на которых представлена только одна текстильная керамика; правда, эти стоянки недостаточно изучены. Единичные стоянки поздняяковского типа не имеют примеси местных культурных элементов. По ряду признаков—это стоянки древнейшие. Основная же масса стоянок этого типа дает вещевые комплексы, смешанные с текстильной керамикой и кремневым инвентарем местных стоянок. В культурных слоях таких поселений керамика того и другого типа смешана равномерно. В позднейших памятниках этого типа текстильная керамика начинает преобладать.

Эти позднейшие стоянки, характеризующиеся вначале как бы резко различным, смешанным, но затем вполне слившимся, получившим на Оке прочную устойчивость комплексом материальной культуры, так же как и неолитические, концентрируются по отдельным районам. В настоящее время на Оке мы можем выделить районы: Муромский, Нижне-пронский и Рязанский. Большинство костромских стоянок с текстильной керамикой, по всей вероятности, может быть приурочено к тому же времени.

¹ Это положение решительно подтверждают результаты наших последних раскопок Подборновской стоянки, произведенных в 1937 г.

² В. А. Г о р о д ц о в, Бронзовый век на территории СССР (БСЭ, т. 7, 1927).

Указанные памятники могут быть датированы последними веками II и первыми веками последнего, быть может, иногда даже до середины последнего тысячелетия до н. э. Следовательно, они совпадают с концом сухого и теплого суббореального времени и отчасти, возможно, с началом субатлантического периода.

Поселения этого времени, расположенные обычно в поймах рек, нередко на дюнах¹, характеризуются в большинстве случаев очень плохой сохранностью костного материала и вообще еще мало изучены. Все же остатки домашних животных из этих памятников нам кое-где известны. Таковы, по определению Е. Г. Андреевой, кости коровы, лошади и бобра из стоянки Озименки бывш. Наровчатского уезда Пензен. губ. (по раскопкам Б. С. Жукова и С. Ф. Преображенского); кости коровы, лошади и свиньи из стоянки «Малый Бор» близ Муром, изученной нами (также по определению Е. Г. Андреевой); кости домашнего быка и лошади из поселения «Пески» на верхней Волге², в районе Костромы, и некоторые другие.

В период существования позднейших поселений описанного типа, т. е., вероятно, в начале I тысячелетия до н. э., в Волго-Окском крае получает распространение обработка железа. Появление железных топоров создало возможность для развития новой формы лесного земледелия—земледелия подсечного. Площади посевов, видимо, расширяются и ориентируются на высокие, покрытые выжигавшимися лесами, берега рек. Это время характеризуется перенесением поселений из условий речных пойм и озерных низин на высокие берега, все большим внедрением их в глубь лесных массивов, к водоразделам, и появлением укрепленных поселений, городищ.

На перенесение поселений в иные условия мог оказать свое влияние целый ряд причин. Так, могло сыграть свою роль значительное повышение уровня рек и, в особенности, уровня их весенних разливов в связи с изменением климатического режима в начале субатлантического периода, которое есть основание считать весьма резким. Но ведущими моментами в этом процессе были, надо думать, с одной стороны, факторы хозяйственного порядка, а именно большая роль лесного подсечного земледелия, а с другой стороны—факторы развития общественных отношений, обусловившие необходимость укрепления поселений, для чего высокие, обрывистые берега рек и оврагов создавали наибольшие удобства.

Как бы то ни было, но уже на древнейших городищах Волго-Окского края, относящихся к середине последнего тысячелетия до н. э., наряду с земледелием чрезвычайно существенную роль играло скотоводство, что уже не раз подтверждено целым рядом исследований.

Таким образом, появление на Оке в ксеротермический период поселений поздняяковского типа определяет собой если не возникновение, то прочное внедрение скотоводства как на этой территории, так и к северу от Оки.

Волго-окские памятники позднебронзовых сейминской и абашевской культур по интересующему нас здесь вопросу не дают пока почти ничего.

В заключение попытаемся кратко охарактеризовать важнейшие черты истории хозяйства на интересующей нас территории в последующее время, сомкнув его с эпохой, которая освещена уже письменными документами.

Выше мы уже останавливались на возникновении укрепленных поселений патриархально-родовых общин—городищ—в середине последнего тысячелетия до н. э. Эти городища и, во всяком случае, селища продолжают

¹ B a h d e r, Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale («Eurasia septent. antiqua», IV, 1929).

² П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества в верхнем Поволжье («Изв. ГАИМК», вып. 106, 1934).

существовать вплоть до возникающих, видимо, на их основе древнерусских поселений уже «исторического» времени, т. е. существуют, определенным образом видоизменяясь, около полуторы тысячи лет.

Население городищ и одновременных им селищ было уже знакомо с выплавкой железа и выделкой железных орудий. Эти процессы благодаря наличию местного сырья в виде болотной железной руды производились на месте, что привело к сравнительно быстрому угасанию техники обработки кремневых орудий и вытеснению орудий из бронзы; последняя идет теперь, главным образом, на выделку украшений.

Скотоводство продолжало играть весьма значительную роль в хозяйстве живших на городищах патриархальных общин. Однако с этого времени, в условиях вновь наступившего лесного ландшафта (субатлантический период), начинается заметный рост удельного веса лесного земледелия. Существенную роль в этом росте должен был сыграть появившийся железный топор. Если до сего времени огневое земледелие, вероятно, осуществлялось не путем подсека, но лишь подсачивания деревьев, то теперь оно, без сомнения, делается подсечным.

О роли земледелия в эту эпоху говорят не раз сделанные на городищах находки костяных наконечников деревянных мотыг, железных серпов, каменных зернотерок, а также продолжающийся процесс хозяйственного освоения лесистых речных водоразделов.

Охота и рыболовство развиты, но играют подчиненную роль.

Наряду с земледелием скотоводство продолжает играть ведущую роль в хозяйстве. Для древнейших городищ, относящихся к началу второй половины последнего тысячелетия до н. э., это отмечено недавно В. А. Городцовым по материалам раскопок Старшего Каширского городища на Оке. «Из домашних животных решительно преобладают лошади. Подобное явление нами было сначала прослежено в Городецком городище, где нижний слой особенно изобилует костями лошади; верхний же слой становился уже беднее ими. Совершенно такое же явление наблюдал Теплов при раскопках городища Дуны¹ и другие исследователи в других городищах дьяковской и городецкой культур. Очевидно, в первое время развития обеих названных культур носители их преимущественно занимались коневодством.

За лошадьми, в количественном отношении, в Каширском городище шли свиньи, в древнейших наслоениях Городецкого городища и городища Дуны едва заметные; затем следовали коровы и овцы. Породы лошадей и коров были среднего роста. В составе последних совсем отсутствует карликовая, так называемая мещерская порода, кости которой найдены на городище Старой Рязани, а живые потомки существуют еще и теперь в мещерской стороне...»²

В картине, нарисованной В. А. Городцовым, необходимо сделать ту оговорку, что костный материал из его и прочих упоминаемых им раскопок, насколько нам известно, в полном объеме не обрабатывался специалистами, и приведенные данные почерпнуты преимущественно из беглых определений, сделанных самими руководителями раскопок в процессе проведения последних.

Во всяком случае данные Е. Г. Андреевой, произведшей специальное описание богатой фауны, добытой нашими раскопками 1928 и 1929 гг. на Кондраковском городище, дают несколько иную картину в части соотношения видов. Кондраковское городище дьяковского типа находится в ни-

¹ Оба городища на р. Оке.

² В. А. Городцов, Старшее Каширское городище («Известия ГАИМК», вып. 85, 1934 г., стр. 38).

зовьях Оки, в 27 км ниже гор. Муром и дает два культурных слоя. Нижний, содержащий наряду с прочими остатками керамику с текстильными отпечатками, относится к нескольким векам до и около начала н. э. Верхний, без «текстильной» керамики,—к середине I тысячелетия н. э. «Соотношение охоты и скотоводства в хозяйстве обитателей городища характеризуется явным преобладанием количества особей домашних животных над дикими в обоих слоях: для нижнего слоя домашние животные составляют 78, для верхнего слоя—75%. Соотношение видов (в процентах) домашних животных (не считая собаки) видно из следующей таблицы (по Е. Г. Андреевой):

В и д ы	Нижний слой (в %)	Верхний слой (в %)
Лошадь	24,5	35,3
Свинья	60,4	41,1
Крупн. рог. скот	9,4	17,6
Мелк. » »	5,7	6,0

Таким образом, в обоих слоях, и в особенности в нижнем, преобладают остатки свиньи, но в верхнем слое наблюдается заметный рост числа остатков лошади и крупного рогатого скота. Необходимо отметить, что среди лошадей из нижнего слоя установлено присутствие исключительно малорослой формы (103,4 см по холке у вполне взрослой лошади).

Для сравнения приведем данные по Пекуновскому городищу на верхней Волге. Городище было исследовано также нами в 1932 и 1933 гг. и содержало сложную свиту культурных напластований, из которых мы возьмем для удобства сравнения лишь нижний и верхний слой. Датируются они, примерно, так же, как и слои Кондраковского городища. Многочисленные остатки фауны из Пекуновского городища были обработаны В. И. Зубаревой. Количество особей домашних животных к общему числу особей для нижнего слоя составляет 67,7 и для верхнего слоя 70,1%. Таким образом, и здесь отмечается явное преобладание остатков домашней фауны над дикой. Но соотношение видов домашних животных в стаде здесь несколько иное, чем в Кондракове. Даем таблицу (в процентах):

В и д ы	Нижний слой	Верхний слой
Лошадь	23,8	45
Свинья	38,1	20
Крупн. рог. скот	23,8	20
Мелк. » »	14,3	12,5
Собака	—	2,5

Как видно из таблицы, и здесь в нижнем слое преобладает свинья, но в верхнем слое резко увеличивается количество костей лошади. Аналогичную картину дают также некоторые другие городища верхнего Поволжья (по определению К. С. Алексашиной). Из этого чрезвычайно интересного факта можно сделать тот вывод, что в ряде районов верхнего Поволжья около середины I тысячелетия резко возросло использование лошади не только для мясной пищи, но и в целях транспорта. Такое заключение соответствует вполне установленной роли лошади в ту же эпоху в более южных, окских районах, где не только материал с городищ,

но и инвентарь находок в могилах в виде частых остатков удила, уздечек, нагаек ясно говорит о том, что население в это время, так сказать, садится на коней. Так, «присутствие остатков лошади в погребениях рязанских могильников составляет обычное явление. Здесь это животное выступает, однако, уже не в виде убойного скота, но в качестве верхового коня. Что это было действительно так, об этом свидетельствуют постоянные находки удила и предметов конского снаряжения, притом не только в мужских, но часто и в женских могилах»¹. Подобная роль лошади не могла не облегчить переход к использованию ее в качестве тягловой силы, в частности в земледелии в последующую эпоху.

¹ Резкое падение роли скотоводства, которое приводит к картине, фиксируемой на этой территории для X—XI вв. письменными источниками, происходит, видимо, в VIII—IX вв. Это время изучено у нас крайне недостаточно. Однако нельзя не согласиться с П. Н. Третьяковым, что именно здесь выступает на первый план новый мощный хозяйственный фактор—пашенное земледелие.

¹ П. П. Ефименко, К истории западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам («Советская археология», 1937, № 2, стр. 39).

